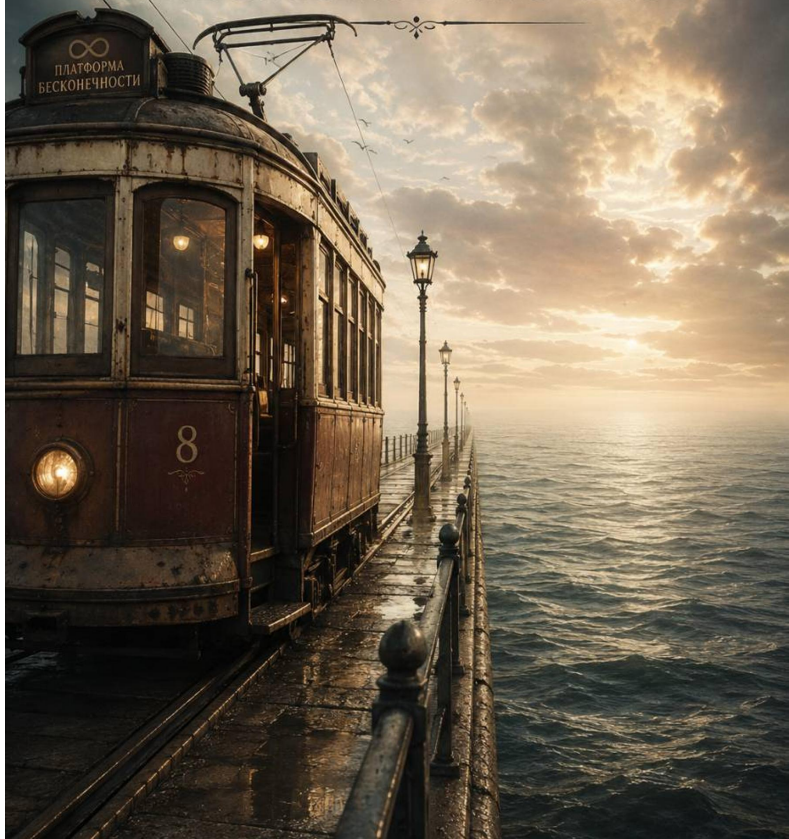

ЛАУР ДЕР ФРИН АВЕРТОН

ПЛАТФОРМА БЕСКОНЕЧНОСТИ

Лаур Авертон

Платформа бесконечности

<https://litres.ru/74284083>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что может быть страннее, чем очнуться на загадочной платформе среди бескрайней воды и увидеть рельсы, уходящие в никуда? А когда к тебе подъезжает старый трамвай.

Этот трамвай — не просто транспорт. Это место, где переплетаются истории, где каждая остановка открывает душу нового пассажира, где ты, сам того не осознавая, начинаешь меняться.

Главный герой — человек без памяти, но не без чувств. Очнувшись на платформе, он вынужден слушать рассказы случайных попутчиков, чьи судьбы будто зеркалит его внутренние вопросы. Каждая история — это урок, каждый пассажир — хранитель опыта, боли и любви.

Этот трамвай — путь. Путь к осознанию того, что даже самые сильные потрясения могут стать ступенями к новому. Но способен ли сам герой пройти этот путь до конца?

"Платформа бесконечности" — это философская притча, погружающая читателя в мир внутренних конфликтов, поисков смысла и непредсказуемой трансформации.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Лаур Дер Фрин Авертон

Платформа бесконечности

Глава 1

Вода. Она была повсюду. Бескрайняя, тяжелая, свинцово-серая. Она не плескалась и не дышала, как живое существо; она просто была, простираясь до самого горизонта, где ее мутная гладь впивалась в такое же мутное, низкое небо. Воздух здесь пах озоном и сыростью, тот особенный запах, который бывает перед самой сильной грозой, но гроза так и не начиналась. Стояла ватная, гнетущая тишина, нарушаемая лишь мерным, тяжелым стуком моей собственной крови в висках.

Я стоял на небольшой бетонной платформе. Это был не просто кусок суши, а скорее забытый реликт, скол серого камня, грубо брошенный в соленую воду. Подошвы моих ботинок ощущали его шершавую, холодную поверхность, покрытую мелкими трещинами, похожими на паутину. Над головой нависал свинцовый купол неба, лишая мир всяких теней и объемов.

Как я здесь оказался?

Я попытался нырнуть вглубь себя, в темноту собственного сознания, но наткнулся на стену. Не на стену, а на пустоту.

Гулкую, звенящую пустоту, как в покинутом соборе. Кто-то — или что-то — стерло все. Не просто воспоминания о моем имени, возрасте или доме. Было стерто ощущение меня самого. Я знал, что я существую, потому что чувствовал, как ветер холодит кожу, как сердце отбивает ритм. Но я не знал, кем я был. Осталось только это мгновение — холод платформы, вода, тишина и я.

Я сделал шаг к краю платформы, чувствуя, как краешек бетона осыпается под ногой и падает в воду. Я ожидал всплеска, но его не было. Вода, темная и маслянистая, просто приняла камешек в себя, не издав ни звука. Она не вызвала страха. Глубины всегда пугают неизвестностью, но в ней, в этой воде, не было угрозы. Только безразличное, вечное спокойствие. Она была фоном, холстом, на котором кто-то должен был написать картину.

Я повернулся и увидел рельсы.

Они лежали прямо на бетоне, ржавые, старые, уходящие в обе стороны и растворяющиеся в тумане. И на одном из них, где-то далеко в серой дымке, я заметил точку. Она росла, пульсировала, становилась больше. Через минуту я уже мог различить очертания: округлый бок, пантограф, искрящийся в воздухе.

Это был трамвай.

Он подъехал бесшумно, нарушая ватную тишину только легким шипением пневматики, когда открылись двери. Это был старый вагон, из тех, что ходили еще в прошлом ве-

ке. Облупившаяся бежевая краска, деревянные сиденья, потускневшие латунные поручни. Изнутри тянуло теплом и сухим деревом, резко контрастирующим с влажным, холодным воздухом снаружи.

Я вошел не раздумывая. Не потому, что я принял решение, а потому что мои ноги двинулись сами. Что-то внутри, тот самый маленький уцелевший инстинкт, подсказывал мне, что это правильный путь. В вагоне горел тусклый желтый свет, от которого по углам ложились мягкие тени.

В салоне никого не было, только кондуктор. Он стоял у выхода, опершись на перегородку. Его старая форма, когда-то синяя, а теперь выцветшая до цвета голубинового крыла, висела на нем мешковато. Фуражка была сдвинута на затылок, открывая седые, коротко стриженные волосы. Он смотрел на меня с лёгкой, понимающей улыбкой, словно видел тысячи таких же потерянных путников.

— Садитесь, — сказал он. Голос у него был низкий, чуть хриплый, прокаленный годами. — Двери закрываются.

Я сел у окна, на деревянную скамью, продавленную от времени и тысяч пассажиров. Ладонь скользнула по гладкой, отполированной до блеска деревянной спинке. Трамвай тронулся без рывка, плавно, словно корабль, отчаливающий от пристани. За окном поплыла все та же бескрайняя вода, разрезаемая рельсами. Я смотрел на нее, пытаюсь уловить хоть какой-то ориентир, но его не было.

— Далеко ли едем? — спросил я, не оборачиваясь. Голос

прозвучал глухо, непривычно.

— Каждый едет ровно столько, сколько ему нужно, — ответил кондуктор. — Конечных остановок нет. Есть только те, на которых ты должен выйти.

Я повернулся к нему. Он стоял неподвижно, как статуя, но в его глазах плясали искры от уличных фонарей, которые пролетали за окном.

— Но я не знаю, куда мне нужно, — сказал я. — Я не помню, откуда я.

Он вздохнул, слегка поправил фуражку, и мне показалось, что его улыбка стала грустнее.

— Это самый частый диагноз здесь, — сказал он. — Болельщик забытья. Бывало, у меня сидели пассажиры и не могли вспомнить, как их зовут. Но они вспоминали другое. Запах маминых пирогов, шум дождя по крыше, боль от первого падения с велосипеда. А ты вообще ничего не чувствуешь?

Я задумался. Я прислушался к себе. Холод, сырость, стук колес — это были просто раздражители. Они не вызывали во мне никакого тепла, ни боли, ни радости.

— Нет, — честно ответил я.

— Плохо, — кондуктор покачал головой. — Очень плохо. Значит, тебе придется собирать себя по кусочкам на каждой остановке. Смотри, скоро первая.

Трамвай начал сбавлять ход, и этот переход от движения к покою был почти физически ощутим. За окном, как и раньше, была платформа, но на ней, в отличие от моей, стояла

скамья и чахлый, прибитый ветром кустарник. А на скамье сидела женщина.

Она была старой, седой. Волосы, собранные в тугой пучок на затылке, напоминали серебряную нить. На плечи был наброшен темный, почти черный платок. Она сидела неподвижно, как изваяние, и смотрела на свои руки. В них она держала старый, пожелтевший конверт, аккуратно надорванный сбоку.

Двери трамвая с шипением распахнулись. Женщина медленно поднялась, и я заметил, как ее пальцы дрожат — то ли от холода, то ли от волнения. Она шагнула внутрь, и кондуктор вежливо кивнул ей, как старой знакомой.

Она села напротив меня. Не рядом, а именно напротив, разделяя с нами пространство деревянного столика, вмонтированного в стену. Она продолжала смотреть на конверт, и я чувствовал исходящую от нее тяжелую, многолетнюю тоску. Тишина затягивалась.

Наконец она подняла глаза. Они были светло-серыми, как вода за окном, но живыми, пронзительными.

— Ты тоже потерялся? — спросила она тихо, почти шепотом, который, однако, был отчетливо слышен в тишине вагона.

Я хотел ответить, но слова застряли в горле. Как сказать незнакомой женщине, что я не помню ничего, даже своего лица? Она, похоже, прочитала эту пустоту на моем лице.

— Меня зовут Анна Сергеевна, — представилась она, не

дожидаясь моего ответа. — А ты... ты не обязан ничего говорить. Я вижу. Ты как чистый лист. Только вот на этом листе еще ничего не написано.

Она замолчала, поглаживая конверт большим пальцем.

— А у меня написано, — продолжила она, и в голосе ее послышалась вибрация. — Здесь все написано. Моя жизнь. И жизнь моего сына.

Она протянула мне конверт. Я взял его. Он был теплым от тепла ее рук, бумага казалась воощенной, гладкой от времени. Я открыл его и вытащил листок, сложенный вчетверо. Почерк был неровным, с нажимом — мужской почерк, который спешил закончить мысль, пока есть время.

«Мамочка, я пишу тебе на обеденном перерыве. За окном идет дождь, и я вспомнил, как мы с тобой собирали грибы в тумане. Помнишь? Я намочил ноги, а ты ругалась, но потом все равно сварила мне чай с мятой. Спасибо тебе за это. За то, что ты у меня есть. Я знаю, что я редко говорю это, но ты — самое лучшее, что у меня было в жизни. Если со мной что-то случится... знай, я любил тебя каждую секунду. Твой Коля.»

В груди что-то сжалось. Не физическая боль, а что-то более глубокое, эфемерное. Как отголосок музыки, которую слышишь из соседней комнаты. Я перечитал письмо еще раз, и вдруг увидел перед глазами картинку: мокрый лес, запах прелых листьев, теплый дом вдалеке. Но это была не моя картинка. Это была картинка Коли, сына этой женщины. И

все же она отозвалась во мне.

— Почему вы показываете это мне? — спросил я хрипло.
— Я не знаю вас. Я не знаю его.

— Потому что ты ищешь что-то, — ответила она, пристально глядя мне в глаза. — Я вижу это в твоих глазах. Там такая же пустота, как была у меня, когда мне сказали, что его нет. Я пришла на ту платформу с этим письмом, чтобы выбросить его. Чтобы отпустить. Но не смогла.

Я вернул ей конверт. Она спрятала его в карман, но на мгновение задержала на нем ладонь, словно проверяя, на месте ли сокровище.

— Когда теряешь близкого, — продолжила она, — кажется, что память — это всё, что у тебя остается. Но я поняла одну вещь, пока ждала этот трамвай. Память — это не просто воспоминания. Это якорь. Ты держишься за нее, чтобы не уплыть в эту серую воду, — она кивнула на окно, — но ты должен отпустить ее. Отпустить, чтобы они могли уйти.

В глазах ее блеснула влага, но она не заплакала. Слезы, видимо, давно кончились, осталась только сухая, выжженная печаль.

— Когда я перечитываю это письмо, — добавила она тише, — я слышу его голос. Но я перестала ждать его возвращения. Я жду встречи. А это разные вещи.

Она замолчала и повернула голову к окну. Вода за окном стала медленно приобретать новый оттенок, в ней появились блики, хоть солнца все еще не было видно. Свет стал теплее.

— Знаешь, — сказал я, сам удивляясь своим словам, — когда ты читала это письмо... я видел лес. Дождь. Чай с мятой. Я почувствовал это.

Анна Сергеевна удивленно подняла брови. Впервые за весь разговор ее лицо озарила искренняя, хоть и слабая, улыбка.

— Значит, он все еще здесь, — прошептала она. — Он в этом мире. В тебе. Значит, я не зря сохранила письмо.

Трамвай начал замедляться. Я посмотрел в окно: впереди показалась еще одна платформа, пустая, залитая этим новым, теплым светом.

— Это моя остановка, — сказала Анна Сергеевна, вставая. Она поправила платок и взялась за поручень.

— Спасибо, что выслушал, — сказала она, глядя на меня сверху вниз. — Иногда нужно рассказать свою историю, чтобы понять, что она не закончена. Она продолжается в тех, кто нас слушает. А ты... ты слушаешь сердцем, даже если ты не помнишь, как оно бьется.

Она шагнула к выходу, но на пороге обернулась. Свет с платформы очерчивал ее силуэт золотистым контуром.

— Запомни, мальчик. Письмо — это не просто слова. Это память, которую мы несем с собой. И она помогает нам жить дальше. Но она не должна становиться клеткой.

Она вышла, и двери с шипением закрылись, отрезая ее от меня. Я остался один. Но я больше не чувствовал себя пустым. Внутри меня что-то шевельнулось — маленький, теп-

лый огонек. Воспоминание не мое, а чужое, но от этого не менее реальное. Запах мяты и мокрой листвы все еще стоял у меня в носу.

Я посмотрел на кондуктора. Тот смотрел на меня с одобрительным прищуром.

— Первый кусочек есть, — сказал он коротко и отвернулся к переднему стеклу.

За окном снова плыла вода, но теперь она казалась не такой пустой. В ней отражался свет, которого раньше не было. И я подумал, что каждая остановка — это не просто встреча. Это урок. И мне нужно услышать их все, чтобы собрать себя заново.

Трамвай мягко качнулся, набирая скорость, унося меня в туман к следующей остановке. К следующей истории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.